

бытия, 4, 23), есть слова: „Ибо есть божественный оракул, увещающий: «Скажи ты грехи свои сначала, чтобы оправдаться»“.

В Изборнике вместо этого читаем: „Сего ради, рече, повѣдай ты грѣхы своя прѣжде, да оправдишися“. Переводчик исключил слова „ибо есть божественный оракул“, понятные для наследников древнегреческой культуры, но ничего не говорившие болгарину X века, и заменил их неопределенно-личным глаголом „рече“. В этом случае переводчик сознательно произвел, как говорит акад. В. В. Виноградов в учении о безличных глаголах, устранение „производителя действия“¹ и придал слову „рече“ тот же смысл апофегматического обобщения, какой оно имеет в „Слове о полку Игореве“, в фразе: Помняшь бо, рече, первых времен убоище“. Это неопределенно-личное „рече“, равное употребляемому в поговорках и пословицах народно-украинскому „мовляв“,² вносит в древнеболгарский перевод Исидора элемент народного языка.

Письмо Исидора к пресвитеру Каллопию, начинающееся в Изборнике словами „Чоудиши ли ся, люблениче, како своихъ цръквъ богъ не штади“ (л. 106), говорит о землетрясениях, которыми был обилён V век и которые вообще свойственны дельте Нила. В греческом подлиннике этого письма есть фраза: „И не печалься о том, что происходит ныне на твоих глазах“. В древнеболгарском тексте в Изборнике такой фразы нет: переводчик опустил ее как относящуюся к тому времени, когда было написано письмо, и потерявшую смысл в его время.

Таким образом, все эти три случая пропусков в древнеболгарских переводах Исидора, сравнительно с их оригиналами, находят объяснение: переводчик опускал то, что было чуждым современному ему читателю.

Отступления от греческого оригинала в отношении лексики также незначительны и не нарушают общего содержания. Синтаксическую сторону греческого текста переводчик воспроизводил точно, сохраняя синтаксические конструкции и не опуская ни одного союза. В переводах писем Исидора встречаем в Изборнике придаточные предложения, полностью соответствующие греческим конструкциям: дополнительные с союзами „како“ (ὡς) и „яко“ (ὅτι), времени с союзом „егда“ (ὅτε), цели с союзом „да“ (ὥστε) и условные с союзом „аште“ (εἰ).

Но переводчик Исидора Пелусиота не дословно подражает греческому языку, он создает аналитический перевод однородных греческих конструкций на древнеболгарский язык, не навязывая последнему чуждого построения речи.

Можно указать только один случай, когда переводчик подчинился типически-греческой конструкции и ввел ее в свой язык. В греческом языке со многими непереходными глаголами, в том числе с глаголом *παύμαι* — „перестаю“, соединяется предикативное причастие, например: „Я перестал говорить“ — по-гречески *πέπαυμαι λέγων* („Федон“ Платона), что дословно значит „я перестал говорящий“.

В древнеболгарском и в древнерусском языках глагол „прѣстати“ требует инфинитива, как, например, у Даниила Заточника: „Уже бо прѣстану глаголати“. Но в Изборнике в переводе письма к епископу Евсевию вместо „прѣстани оубо зиждити и неправьдовати“ сказано „прѣ-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 463.

² Например: „Прийшлось сусідові, мовляв, хоч сядь та й плач“ (Гринченко. Словар української мови, II, стр. 437).